

ПРЕДИСЛОВИЕ К ТРЕТЬЕМУ ИЗДАНИЮ

Статьи, ставшие главами этой книги, я писал между 1948 и 1955 годами, когда европейские ученые Хейзинга, Жильсон, Курциус, Доусон, Февр и Нарди произвели своими работами радикальный переворот в трактовке и определениях культуры Средневековья и Возрождения, пересмотрев старый, все еще распространенный миф о мраке Средневековья и ярком свете новой эпохи. Бурное развитие научной мысли, имевшее существенное значение, не коснулось, однако, трактовки творчества Боккаччо: его исследователи, казалось, по-прежнему придерживались романтико-позитивистской схемы, а если отклонялись от нее, то интересы их не затрагивали „Декамерона“, его важного поэтического и общественного смысла. Новому подходу к Боккаччо, подчеркивавшему его значение как человека и художника, в 20 — 30-е годы способствовали труды Момильяно, Боско, Нери, Батталли. Но этот подход лишь привел в тупик новых формальных определений или более или менее изящных вариаций кроччанской игры на тему „поэзия — непоэзия“. Даже когда пало идейное господство Кроче и значительно расширились исследовательские горизонты, кроме отдельных работ, весьма поверхностно использовавших марксистскую теорию, и отдельных статей, касающихся стиля Боккаччо (гораздо менее значительных, чем классические работы на эту тему Пароди и Скьяффини), творчество писателя не вызвало к жизни того потока статей, очерков, монографий, — в которых ощущалась бы новая ориентация, движение мысли и намечались новые пути исследования, — какой вызвало творчество других наших классиков — начиная с Данте и кончая Мандзони.

Научная литература, занимающаяся исследованием творчества Боккаччо, находилась в состоянии неопределенности и застоя, слишком часто ее представители возвращались на

позиции ученых XIX века, таких, как Кинс, Сен-Виктор или Сеттембрини и Де Санктис. Они все прославляли „Декамерон“ как фундаментальное произведение, полностью отрицающее то видение мира, которое было присуще Фоме Аквинскому и Данте, все рассматривали его героев как людей, **живущих только инстинктами и почти животными страстями**, как людей, далеких от истинного морального долга и не способных на трагические переживания или героические поступки. Такова была основная тенденция академического литературоведения и наиболее авторитетных работ итальянских и французских ученых. Даже очень серьезный и принципиальный исследователь средневековых памятников Ауэрбах и видный ученый, представитель формальной школы, Шкловский в общих чертах это направление приняли — вероятно, их сбили с толку прочная традиция, восходящая к XIX веку, и позиция, занятая итальянскими учеными. Наряду с этим молодые историки литературы, почти всегда обходившие „Декамерон“, упорно выявляли в произведениях Боккаччо греко-латинскую филигрань, утверждая, что именно она и является их основой. Таким образом, само собой разумелось, что они относят писателя преимущественно к ренессансной культуре, возрождающей античность.

Из этого явно обозначившегося тупика меня, как я уже отмечал, в начале 50-х годов вывели выдающиеся европейские ученые. Открытые ими четкие перспективы исторического, философского и литературного развития побудили меня попытаться интерпретировать Боккаччо и его главное произведение в связи с социальной действительностью той эпохи и его собственным жизненным опытом; интерпретировать на основе изучения конкретной подлинной жизни первой половины треченто, которая рассматривалась в целом, во всей ее совокупности, от философии до риторики, от политики до поэтики, от экономики до литературы. При этом особое внимание уделялось противоречивой и жизненно обусловленной игре исторических, социальных сил и тем литературным формам, в которых эта игра отражается, освящается и получает новый импульс. В результате такого подхода стало ясно, что Боккаччо, с его сильной индивидуальностью, с его всеобъемлющим гением художника, творил в атмосфере разнообразных духовных и социальных интересов своих современников, что в его творчестве традиции и новаторство уравновешены, но основой всех его произведе-

ний вплоть до „Декамерона“ является культура дантовской эпохи.

Название моей книги было уже само по себе полемичным, более того — этим названием я намеренно бросал вызов устаревшим тяжеловесным концепциям, тяготевшим к научным представлениям прошлого века. Но оно отнюдь не означало моего пристрастия к пустым, отвлеченным определениям в области истории. Мне хотелось подчеркнуть тот аспект творчества Боккаччо, которым — следуя долгой, прочной и, увы, процветающей традиции — пренебрегали историки литературы; показать, какое воздействие на Боккаччо оказывает великолепная, человечнейшая культура осенней поры Средневековья и как это отражено в его главном произведении. Поэтому я назвал свою книгу не „Боккаччо — средневековый писатель“ и не „Боккаччо — писатель Средневековья“, а „Боккаччо средневековый“: уже в названии я хотел подчеркнуть, что творчество писателя не полностью относится к средним векам, что понятие „средневековость“ его целиком не исчерпывает. Это постоянно доказывают и последующие страницы моей книги — вплоть до выводов относительно новых повествовательных форм или соотношения средневековой культуры и предгуманистических мотивов.

Но название книги и постановка основной проблемы в первой главе в общем не передали этого существенного динамического равновесия, и оно не ускользнуло лишь от таких исследователей, как Чекки, Беллончи, Мариани, Пуппо, Сангвинетти, Уитфилд, Маргерон. И все же на каждой странице, в противовес обобщенности названия, уточняется, что средневековость „Декамерона“ — не историческая или идеологическая абстракция, а действительность. Это — доминиканские и францисканские представления, теоретически и практически близкие социально-экономической структуре города-коммуны; это — раннекапиталистическое общество, то есть купеческий мир, в котором развивается, синтезируется городская культура в ее самых различных аспектах — начиная от политического и финансового и кончая духовным и художественным; это — философия Фомы Аквинского, творения Данте и Джотто, одновременно религиозные и светские, творения, которые по строгости мысли, по конкретности и человечности достигают новой степени реализма. Я почувствовал настоятельную необходимость перечитать „Декамерон“ и все сочинения Боккаччо,

после того как в 1952 году я услышал обращение к слушателям Фебра, которое стало истинным манифестом, призывавшим подходить к писателям и их произведениям с историческими критериями. „Будем придерживаться истории. Это значит: не надо убивать второй раз мертвых. Не надо отнимать у них жизнь духовную, более ценную, чем жизнь материальная, лишая их того, о чем они думали, что они любили, во что верили; и делать это не открыто, а заменяя их истинные мысли, верования, чувства тем, о чем думаем мы, говоря такие же слова; тем, во что верим мы, произнося такие же формулы; тем, что любим мы с такой же силой. Не надо навешивать на них ярлыков, удобных для нашей ленивой посредственности, но предающих их: протестантизм, католицизм, моральность, аморальность, рационализм, христианство. Представим себе гораздо более волнующее зрелище их истинной жизни, их страстей, совсем еще молодых, их надежд, иных, чем наши“ *.

Конечно, не только новая постановка литературных проблем, не только пересмотр основных положений в истории культуры заставили меня увидеть Боккаччо и его шедевр в ярком свете осени Средневековья в Италии и во всей Европе. Новому представлению о Боккаччо главным образом способствовали внимательное изучение текстов, их критическая реконструкция и их подробное толкование. Реконструкция и толкование производились заново, исходя из установления текстов и истории рукописной традиции. Обращение к истории рукописной традиции, до тех пор неизвестной, раскрыло диахронную динамику текстов, противоречащую их каноническому толкованию в истории литературы, и дало нам возможность познакомиться со своеобразными и типичными для той эпохи итальянскими и европейскими читателями, облик которых сложился под воздействием совершенно определенного социального мира и предгуманистической культуры. Риторика и литература, быстро расцветавшие начиная с XI века (я обратился к словесности этого периода, следуя за Курциусом), показались мне благодаря филологическому изучению тем контекстом, в который вписывается „Декамерон“, — его структура, его литературная техника, его повествовательные образцы, ритм его прозы. И даже золотая легенда о начале жизненного пути Боккаччо, которую он сам сочинил и повторял вплоть до

---

* „Autour de l'Heptameron“. Paris, 1944, p. 280.

создания „Декамерона“, эта неприкрытая попытка облагородить свое рождение и юность сказочными моментами, подтверждает, что его автобиография строилась по образцу биографий средневековых героев разных типов: Роланда и Кан Гранде, св. Бенедикта и св. Франциска, св. Доминика, Боэция и Данте (по образцу, который, однако, уже не годится для биографии Карла Анжуйского, св. Екатерины, Петрарки).

В атмосфере компромисса между романтико-позитивистскими установками и крочеанским направлением моя позиция могла показаться полемичной. Спустя 12 лет стало ясно, что она, хотя и не исчерпывает возможности полного изучения „Декамерона“, открывает перспективы, необходимые для конкретного исторического и литературоведческого анализа этой книги, перспективы, которые легко умножить и продолжить в разных направлениях. Об этом свидетельствуют, например, постановка и развитие некоторых проблем в работах Растелли, Рожи, Саллэя, Скальоне, Падоана, Робертсона, Берти, Бека, Коттино, а также в новых статьях, собранных в третьем издании этой книги. Намечены и другие работы, связанные общей ориентацией. Среди этих проблем — исследование готической структуры „Декамерона“ по образцу ступенчатого, устремленного ввысь дантовского построения; исследование пословичной основы многих новелл („пословицы... освещающие сочинение“, как подсказывает Жоффруа де Венсов); анализ влияния книжной культуры на новеллы, в которых наиболее ярко отразились идейные воззрения автора; анализ образного и символического языка и различное его использование; анализ новелл, представляющих собой театральную драму, и театральной драмы в новеллах и чисто средневекового слияния этих двух основных жанров — повествовательного и драматического; исследование пародии и антифразиса, приверженность к которым восходит к среднелатинской литературе; рассмотрение авторских взглядов на социальную жизнь, предшествующих гуманистическому сознанию и чуждых ему (например, отрицательное отношение к тому, что крестьяне переселяются в город, что ученые люди вступают в брак и заводят семью); вопрос о постоянном использовании самой типической литературы двух предыдущих столетий (от „Романа о Розе“ и романов цикла Круглого стола до энциклопедических сочинений, популяризирующих знания, и кратких руководств по риторике и агиографических произведений).

Даже установление автографа стало серьезным, хотя и косвенным, подтверждением моей позиции. Боккаччо, который около 1370 года в своем уединенном доме в Чертальдо пересматривал и аккуратно переписывал свой шедевр, — это клирик, автор исторических произведений, носящих назидательный и драматический характер („О славных женщинах“ и „О злоключениях знаменитых мужей“), „чтений“, проникнутых аскетизмом, агиографических сочинений, „чтений“, толкующих „Комедию“ Данте в схоластическом и аллегорическом духе. Он решительно придерживается традиционной культуры и ставит в один ряд со своими тенденциозными и блистательными историческими сочинениями, принадлежащими средневековой культуре, „Декамерон“, ибо эта книга — „non fabula sed historia“ („не вымысел, а история“).

Изучение автографа не только навсегда развеяло легенду о том, что Боккаччо, в шестидесятилетнем возрасте по религиозным и нравственным соображениям осудил свою книгу, но и подтвердило схоластическое единство и высокий смысл „Декамерона“, ибо поставило его в духовном плане рядом с трактатами „О славных женщинах“ и „О злоключениях знаменитых мужей“ — произведениями, которые в Европе возвысили и прославили имя Боккаччо как моралиста и историка.

Изучение автографа помогло установить, что единственное упоминание Боккаччо о „Декамероне“ (так называемое осуждение книги в письме к Магинардо деи Кавальканти) тоже относится к риторической традиции, ставшей каноном в литературе предшествующих столетий.

Изменившиеся общие воззрения на историю, реконструкция биографии Боккаччо, и фактической и духовной, изучение истории мысли и культуры, истории рукописной традиции и публикации текстов, установление автографов, новый филологический комментарий и толкование текстов — все это подтвердило мою концепцию, определившую сущность „Декамерона“. Она была выдвинута 12 лет назад, и ее изложение грешило, быть может, излишней категоричностью, многими лакунами и длиннотами. Чтобы их исправить, недостаточно ни моих работ, ни сил. И если ее смелость и категоричность помогли тогда „сдвинуться с места“ многим ученым, занимающимся изучением Боккаччо, то теперь, конечно, достанет увлеченности, энергии и таланта, чтобы уточнить и дополнить эту концепцию — и почему бы и нет? —

обновить ее или даже опровергнуть. Увлеченность, энергию и талант уже проявили многие молодые исследователи творчества Боккаччо, и мне бы хотелось скромно предложить их вниманию новое издание моей книги, написанной в сорокалетнем возрасте, в надежде, что она окажется для них небесполезной.

В. Бранка